

Накануне 40-летия МХАТ

Моя «путевка в жизнь»

И. МОСКВИН

Народный артист Союза ССР

В дни, приближающие меня к сорокалетию моего Художественного театра, мне хочется сказать о значении МХАТ, о той роли, какую он сыграл в театральном искусстве у нас и за границей, о самоотверженной преданности театру наших славных руководителей К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, а также большому значению нашего актерского коллектива.

О Художественном театре писалось много хорошо. Мне хочется в эти дни вспомнить и опустить внутренне крепко, чем был для меня Художественный театр в моей театральной и личной жизни. До сих пор я считаю себя еще должником Художественного театра. Я ему не отплатил еще в полной мере за то, что он мне дал.

В Художественный театр я пришел 24-летним юношей, не получившим еще полной закалки ни в смысле воспитания, ни в смысле знания жизни, ни в смысле ясности моего дальнейшего пути, ясности поставленных перед собой жизненных задач. И вот с момента прихода в Художественный театр я жадно стал черпать из него все, что мне доставало.

Очень многое дало мне общение с людьми высокой культуры, людьми, до конца преданными тому делу, которое они начинали строить вместе, коллективно. Здесь каждый отдавал себя всего до конца горячо любимому искусству, здесь не было старших и младших, — огромная ответственность по созданию нового театра в равной степени легла на всех. Это соединило нас, пришедших из разных школ, театров, городов в одну тесную, дружную семью, которая работала не за страх, а за совесть и горела идеей служения искусству.

Вся молодежь, а ее было огромное большинство, сехала в первый день сбора трубных в Пушкино, в 30 километрах от Москвы, собралась в деревянном сарае на пустыре. С этого момента мы не хотели расставаться друг с другом. Мы сняли три дачи, расселились в них и стали жить вместе, веда общие хозяйство — стол, дрова, стирка. Дружно проводили мы вместе и редкие часы отдыха (от репетиции до репетиции — 2 часа и после вечерней репетиции — 2 часа перед сном).

Эта наша общая жизнь очень спаяла нас
воедино. Конечно, главным стержнем были
вновь создаваемый театр и ответственность
за него.

В то время театры дозреть не любили. Актерам казалось, будто они всего уже достигли, лучшего ничего не придумаешь, и остается только спокойно жить и наслаждаться плодами трудов своих. Зарождение «какого-то» нового театра встречено было огромным большинством с недоверием, а некоторыми и в штыки. Пришли, мол, какие-то самозванцы, которые, видите ли, недовольны тем, что уже есть, хотя это все «одобreno и подписано». Недовольны и затевают новое дело, которое предварительно никем не одобрено. И во главе этого дела стоят — литератор и купец из лабаза Гостинного двора (так приблизительно писали о нашем гениальном К. С. Станиславском).

Одной из главных забот наших руководителей был репертуар. Мы, актеры, к опыту знаем, как хорошие пьесы способствуют росту дарования. Про меня част-

Начались репетиции, разбор новых пьес. Выясняли, ради чего каждая из них ставится, ее сокровенный смысл, делался психологический анализ пьесы, всех ролей, устанавливалась их общая целеустремленность, проводился разбор общественных тем,

чирикание воробья. Тут же рядом со мной стоял К. С. Станиславский, тоже уже заграммированный, в костюме полковника Вершинина и изображал звуки еще какой-то птицы. Стоял Лужский, изумительно ворковавший голубем и хлопавший в ладоши, перелавляя полет голубя. Тут же был и ряд других актеров. Станиславский находил, что бутафоры или менее способные актеры не изобразят птиц так, как мы. А сестра была ответственна. Младшая сестра Ирина в весенний день, в день своего именин, открывает окно в сад, и в комнату вместе со свежим воздухом врывается птичий хор.

Считалось нормальным, играя в неделю четыре раза такую трудную роль, как паря Федора, в свободные дни играть роли без единого слова. Все это нам казалось необходимо делать потому, что это служит украшению наших спектаклей и к укреплению морального состояния всего коллектива. «Не могу» не существовало у нас.

Зоркий глаз К. С. Станиславского подмечал и то, как мы одевались в жизни. Помню такой случай. Раз я пришел домой к Константину Сергеевичу рететировать Арнольда Крами и надел дешевенький, копейки на 30, пестреный галстучек бантиком. Константин Сергеевич часто во время рететинги посматривал на него. По окончании работы он меня остановил и мягко, по-отечески сказал, что артист не имеет права носить такие безвкусные галстуки. Снял мой и взял с меня слово больше ни когда не носить таких галстуков. При этом отдал мне свой галстук и научил, как его завязывать.

Часто наши руководители интересовались тем, как мы живем, хватает ли нам денег на все необходимое. Эта человеческая забота покорила нас и вызывала искреннюю любовь к нашим руководителям.

Я не говорю уже об их непрерывных работах о нашем художественном росте. Дело это сугубо трудное. Какое нужно чутье, какая наблюдательность, какой зоркий глаз, чтобы разгадать индивидуальность человека-художника! Наши руководители сумели учуять, угадать во многих из нас подлинные черты наших дарований, выявить их с предельной правдивостью. Они сумели помочь актеру непрерывно расти путём направления, не сужая его индивидуальности тяжкими рамками «амплуа»

Большая заслуга Художественного театра, что он уничтожил в своих стенах это «страшное амилуа». Он спас этим много сотен и периферийных актеров. Как тяжело было жить играть или «героя», или «комка», или «режисера». Это настолько уродовало людей, что они и в жизни не могли сбросить своей маски. Со стороны казалось, что они непрерывно играют.

В Художественном театре актеру давали играть самые разнообразные роли. Сегодняшнюю партию Федора, застрявшего в комическом старом дьячке, последзавтра — бродягу-малыш чипку. При таком разнообразии актер застрахован от уродства чрезмерной однобокости. А ведь это — болезнь, от которой излечиться очень трудно.

Одной из главных забот наших руководителей был репертуар. Мы, актеры, по опыту знаем, как хорошие пьесы способствуют росту дарования. Про меня часто говорили: «Москвич — русачок». На мое счастье и Художественный театр так и делал. Он дал мне возможность сыграть в своей сцене образы, созданные русскими классиками — Пушкиным, Грибоедовым, Гоголем, Львом Толстым, Салтыковым-Щедриным.

Группа артистов Московского ордена Ленина Художественного академического театра СССР им. Горького. В первом ряду (слева направо): заслуженный артист РСФСР Н. А. Подгорный, народные артисты СССР Л. М. Леонидов, И. М. Москвин, Вл. И. Немирович-Данченко, В. И. Качалов, О. Л. Книппер-Чехова. Во втором ряду: В. В. Протасевич, заслуженный артист РСФСР В. А. Орлов, заслуженный артист РСФСР В. Л. Ершов, А. В. Петрова, С. Н. Гаррель, В. П. Аталов, И. И. Рыжов, Н. Ф. Титушин, В. П. Марков, заслуженная артистка РСФСР Е. С. Телешева, А. В. Жильцов, заслуженная артистка РСФСР А. П. Зуева, Я. И. Лакшин. Фото М. Озерского.

Фото М. Озерского.

редкие часы отдыха (от репетиции до репетиции — 2 часа и после вечерней репетиции — 2 часа перед сном).

Эта наша общая жизнь очень спаяла нас воедино. Конечно, главным стержнем были вновь создаваемый театр и ответственность за него.

В то время театры новшеств не любили. Актерам казалось, будто они всего уже достигли, лучшего ничего не придумаешь, и остается только спокойно жить и наслаждаться плодами трудов своих. Зарождение «какого-то» нового театра встречено было огромным большинством с недоверием, а некоторыми и в штыки. Пришли, мол, какие-то самозванцы, которые, видите ли, недовольны тем, что уже есть, хотя это все «одобreno и подписано». Недовольны и затевают новое дело, которое предварительно никем не одобрено. И во главе этого дела стоят — литератор и купец из лабаза Гостинного двора (так приблизительно писали о нашем гениальном К. С. Станиславском).

Такое враждебное отношение к нам только помогло нам еще сильнее объединиться. Тут я познал впервые в жизни счастье жить для идеи.

Начались репетиции, разбор новых пьес. Выясняли, ради чего каждая из них ставится, ее сокровенный смысл, делался психологический анализ пьесы, всех ролей, устанавливалась их общая целеустремленность, происходил разбор общественных течений, из которых рождался столкновение отдельных лиц — их борьба, их победы. Обсуждалось, куда движется наша страна, что ей помогает, что мешает, чего мы в театре должны искать, ради чего работать, чего добиваться.

Эти творческие собеседования раскрывали мне новые жизненные горизонты. Жизнь становилась полнее, сознательнее. Все звало к чистоте, к благородству, к подвигу. Казалось, нет выше миссии, как нести достойно высокое звание артиста. Благодаря дисциплине и требовательности наших руководителей к нам, как к людям, вырабатывались те высокие нормы морали, которые так необходимы были каждому из нас в нашей дальнейшей актерской жизни.

Мне казалось, например, совершенно естественным прийти на спектакль чеховской пьесы «Три сестры» на час раньше, чем нужно, для того, чтобы раньше загри-мироваться и пойти за кулисы изображать

человека-художника! Наши руководители сумели учуять, угадать во многих из нас подлинные черты наших дарований, выявить их с предельной правдивостью. Они сумели помочь актеру непрерывно расти в нужном направлении, не сужая его индивидуальности тяжкими рамками «амплуа».

Большая заслуга Художественного театра, что он уничтожил в своих стенах это страшное «амплуа». Он спас этим много сотен и периферийных актеров. Как тяжело было всю жизнь играть или «героя», или «комика», или «резонера». Это настолько уродовало людей, что они и в жизни не могли сбросить своей маски. Со стороны казалось, что они непрерывно играют.

В Художественном театре актеру давали играть самые разнообразные роли. Сегодня играю паря Федора, завтра — комического старого дядька, послезавтра — бродягу-мальчишку. При таком разнообразии актер застрахован от уродства чрезмерной одно-сторонности. А ведь это — болезнь, от которой излечиться очень трудно.

Одной из главных забот наших руководителей был репертуар. Мы, актеры, по опыту знаем, как хорошие пьесы способствуют росту дарования. Про меня часто говорили: «Москвин — русачок». На мое счастье и Художественный театр так думал. Он дал мне возможность сыграть на своей сцене образы, созданные русскими классиками — Пушкиным, Грибоедовым, Гоголем, Львом Толстым, Салтыковым-Щедриным, Достоевским, Островским, Чеховым, Горьким. В этом репертуаре отразилась Русь монументальная, Русь прошлого и настоящего — в ее неприкрашенной правде и в ее поэзии.

В гениальных произведениях русских классиков я нашел для себя родное, близкое, что позволяло мне пережить свои образы, которые были мне дороги, волновали меня. Я всегда искал в них правды суровой, но человеческой. А это настоящий путь к социалистической справедливости.

Девиз МХАТ — предельная правда в искусстве. Художественный театр дал мне возможность в полной мере послужить этой правде. Все это вместе взятое помогло моему росту как человека и как художника.

Художественный театр я искренне могу назвать моей «путевой» в жизнь». Чувство глубокой благодарности моему Художественному театру не умрет во мне до конца дней моих.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ПОСТАНОВКИ

Из многих городов Союза поступают сообщения о подготовке к празднованию юбилея МХАТ. Из Еревана, Баку, Алма-Аты, Фрунзе и других городов в Москву выехали делегации работников искусств, которые будут присутствовать на праздновании юбилея. Среди приезжающих на юбилей — народные артисты СССР: Шевкет Ханум Мамедова, Узеир Гаджибеков, Бюль-Бюль Мамедов, Кулиш Байсеитова, Халима Насырова, народная артистка Узбекской ССР Тамара Ханум Петросьянц и многие другие.

В адрес дирекции Художественного театра поступают приветственные телеграммы. В приветствии Государственного театра оперы и балета Армянской ССР гово-

рится: «Только в стране передового человечества, только с помощью партии и правительства МХАТ мог творчески процветать и стать очагом непревзойденных мастеров сцены, превращая каждый спектакль в праздник советского театрального искусства».

К юбилею Художественный театр подготовил две премьеры — «Горе от ума» Грибоедова и «Достигаев и другие» Горького. Вчера состоялась генеральная репетиция «Горе от ума», премьера — 30 октября. Премьера пьесы «Достигаев и другие» назначена на 31 октября.

День юбилея — 27 октября — отмечается торжественным заседанием в театре.